

Информация для цитирования:

Поташова К. А. Эстетика и онтология пейзажа в стихотворениях Н. И. Гнедича «приютинского цикла» / К. А. Поташова // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 5. — С. 288—306. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-5-288-306.

Potashova, K. A. (2026). Aesthetics and Ontology of Landscape in “Priutino Cycle” Poems by N. I. Gnedich. *Nauchnyi dialog*, 15 (5): 288-306. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-5-288-306. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Эстетика и онтология
пейзажа в стихотворениях
Н. И. Гнедича
«приютинского цикла»**

Поташова Ксения Алексеевна
orcid.org/0000-0002-0164-0371
кандидат филологических наук,
доцент, кафедра русской
и зарубежной литературы
kseniaslovo@yandex.ru

Государственный
университет просвещения
(Москва, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 25-78-00038

**Aesthetics and Ontology
of Landscape
in “Priutino Cycle”
Poems by N. I. Gnedich**

Ksenia A. Potashova
orcid.org/0000-0002-0164-0371
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian
and Foreign Literature
kseniaslovo@yandex.ru

State University of Education
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 25-78-00038

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На материале элегий Н. И. Гнедича «Осень», «Приютино», элегических посланий к И. А. Крылову, написанных во время пребывания в усадьбе Приютино, а также его ранних стихотворений «Общезитие», «Милтон, сетующий на свою слепоту», «Скоротечность юности» выявляются особенности эстетики и онтологии пейзажа в художественном мире поэта. Рассматривается роль Гнедича в формировании русской элегической школы, реконструируется пространственная модель мироздания, в которой в тесной взаимосвязи находится видимое и невидимое. Исследуется символическая наполненность образа леса. Выявлено, что лирика природы у Гнедича напрямую связана с красотой мироздания и попыткой постижения тайны природы через эстетическое восприятие. Утверждается, что за первичной эстетизацией пейзажа у Гнедича скрывается философская наполненность картин, явившихся импульсом к размышлению над цикличностью в природе, ее погодными проявлениями, конкретными локусами и собственными эмоциональными порывами, объединяя которые, поэт открывает состояние души, обостряя в элегии исповедальное начало. Доказано, что безусловным привнесением Гнедича в русскую элегию явилось утверждение лечебно-целительного свойства леса для человеческой души. Анализ смысловой наполненности пейзажа показывает, что наиболее значимым у Гнедича стал лесной ландшафт, утвердившийся в его лирике как пространство преображенной действительности, зримо представляющее единство земного и небесного.

Ключевые слова:

пейзаж; образ леса; русская элегическая школа; Н. И. Гнедич; романтизм; визуальность в поэзии.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Drawing on the elegies “Autumn” and “Priutino,” as well as the elegiac epistles to I. A. Krylovov composed during Gnedich's residence at the Priutino estate, this study examines the distinctive aesthetics and ontology of landscape within the poet's artistic world. The analysis also incorporates his early works, including “Obshchezhitie” (The Common Life), “Milton, Lamenting His Blindness,” and “The Transience of Youth.” The paper considers Gnedich's pivotal role in the formation of the Russian elegiac school and reconstructs a spatial model of the universe in which the visible and the invisible are inextricably linked. A particular focus is placed on the symbolic richness of the forest image. The study demonstrates that Gnedich's nature poetry is directly connected to the beauty of the cosmos and represents an attempt to comprehend the mysteries of nature through aesthetic perception. It is argued that beneath the initial aestheticization of landscape lies a profound philosophical depth; these pictorial representations serve as a catalyst for meditations on nature's cyclical patterns, its meteorological manifestations, specific loci, and the poet's own emotional impulses. By synthesizing these elements, Gnedich reveals a state of the soul, thereby intensifying the confessional dimension of the elegy. The paper proves that Gnedich's definitive contribution to Russian elegy was his assertion of the forest's curative and restorative properties for the human soul. An analysis of the landscape's semantic content shows that for Gnedich, the forest landscape became paramount, establishing itself in his lyrics as a space of transfigured reality that visibly embodies the unity of the earthly and the celestial.

Key words:

landscape; image of the forest; Russian elegiac school; N. I. Gnedich; Romanticism; visuality in poetry.

Эстетика и онтология пейзажа в стихотворениях Н. И. Гнедича «приютинского цикла»

© Поташова К. А., 2026

1. Введение = Introduction

Творческая индивидуальность Н. И. Гнедича исследователями отчасти воспринимается растворившейся в его переводческом даровании и потерявшей на фоне блестящей плеяды поэтов первой трети XIX века и, как следствие, оказывается по сей день недооцененной. До сих пор в достаточной мере не изучено художественное своеобразие его лирики 1810—1820-х годов, не определена его роль в формировании школы гармонической точности, недооценено значение Гнедича для становления элгической линии русского романтизма и формирования эстетики национального пейзажа. Его тонкое чувство русской природы, проникновение «в сокровенную сущность» красоты леса, реки, неба, чрезвычайное умение внимать «гласу Бога, сокровенно звучащему в природе» [Ильин, 1994—1999, т. I, с. 301] во многом заложили основу русской пейзажной лирики. Научная новизна настоящей статьи определяется выявлением смысловой наполненности, специфики, традиции, новаторства художественной образности пейзажной лирики Гнедича. Впервые целостно рассмотрено национальное своеобразие пейзажа в элегиях Гнедича, уточнена символическая наполненность центральной пейзажного элемента, а именно — образа леса, в так называемом «приютинском цикле» стихотворений поэта.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью статьи стало выявление закономерностей художественного мышления Гнедича и особенностей его мирозерцания на основе анализа стихотворений «приютинского цикла». В соответствии с поставленной целью в статье решается ряд задач, связанных с определением роли пейзажа в элегиях Гнедича, выявлением доминирующих пейзажных элементов, раскрытием новаторства Гнедича как мастера русского национального пейзажа. Решение поставленных задач направлено на изучение визуального начала русской поэзии первой трети XIX века. Материалом для статьи по-

служили элегии «Осень» (1819), «Приютино» (1820), элегические послания к К. Н. Батюшкову и И. А. Крылову (1821), написанные Гнедичем во время пребывания в усадьбе Приютино под Петербургом, где поэт по приглашению А. Н. Оленина проводил каждое лето, а также ранние стихотворения, отмеченные интересом к природе, — «Общежитие» (1804), «Милтон, сетующий на свою слепоту» (1805), «Скоротечность юности» (1809). Ключом к пониманию природных образов следует считать ряд тезисов из прочитанного в 1814 году «Рассуждения о причинах, замедляющих успехи нашей словесности, читанном в торжественном собрании Помощником Библиотекаря, Коллежским Ассессором и Кавалером Гнедичем», в которых поэт указал имена «тех мужей», творениями которых следует руководствоваться в словесном искусстве, таких как «учителя нашей церкви, Василий Великий и Григорий Богослов» [Гнедич, 1814, с. 52]. Очевидно, что Гнедич был знаком с трудами этих святителей: это подтверждается не только его занятиями греческим языком и чтением книг в оригинале, но и проникновением в его поэзию важнейших идей о божественной красоте природы, постижении Бога через созерцание красоты Его творений.

Лирика природы Гнедича оставалась вне поля зрения литературоведения, можно выделить лишь единичные суждения о ней. Методологически ценными являются наблюдения о поэзии Гнедича в академических исследованиях о романтизме, в которых по-разному оценивается художественный метод поэта с учетом специфики осмысления им природных образов. Г. А. Гуковский в связи с намеченным у поэта объединением двух типов культур — славянской (русской) и западной — назвал «Приютино» Гнедича «элегией в духе Жуковского» [Гуковский, 1965, с. 98], в которой поэт «оперирует яркими словами-символами, <...> ищет эффектных сопоставлений и противопоставлений, ораторских оборотов» [Гуковский, 1965, с. 242]. Г. А. Гуковский охарактеризовал особенности образности и языка поэзии Гнедича как возвращение «к истокам русской национальной культуры», в связи со «славянизацией языка» усмотрел влияние Ломоносова. Примечательны и объяснения Г. А. Гуковским романтического метода Гнедича, специфика которого такова, что поэт «не изображает, а дает почувствовать, вызывает видения, знакомые душе и воображению» [Гуковский, 1965, с. 242]. По мысли Е. А. Маймина, вчувствование в природу сближает поэтические системы Гнедича и Жуковского, оттого в развернувшейся на рубеже 1810—1820-х годов дискуссии вокруг характера перевода Гнедич поддержал стремления Жуковского уловить «национальную красоту» и передать «народные ритмы, народную песенность слога и интонаций» [Маймин, 2015, с. 60]. А. М. Кукулевич и В. Н. Орлов связали художественную систему Гнедича с преодолением «сентиментализма как

художественного мировоззрения и как поэтической системы», его элегии были рассмотрены исследователями, хотя и попутно, как выражение идеи слияния человека с природой, как «философские медитации» с присущим им автобиографическим началом, звучанием как «исповедь сердца». Оригинальная поэзия, по мнению исследователей, представлена произведениями «истинно национальными», отличающимися «простотой и «величием» [Кукулевич и др., 1941, с. 420]. Отмечая естественность в описаниях природы, сродственную своим «лучезарным фоном» буколической поэзии, и национальный элемент, привнесенный благодаря «вниманию к сельской поэзии» [Аношкина-Касаткина, 2014, с. 279], В. Н. Аношкина ставит Гнедича рядом с Батюшковым. В то же время утвердившаяся в его поэзии идея «божественного начала, разлитого во всей прекрасной природе», объединяет Гнедича с Жуковским, «оба они усматривали “присутствие Создателя в созданы”» [Аношкина-Касаткина, 2014, с. 8]. По-разному трактуя принадлежность Гнедича к тому или иному вектору романтической поэзии, исследователи согласны друг с другом в том, что сосуществование в поэзии Гнедича философской содержательности и самобытного элемента во многом определило национальное своеобразие русского романтизма.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Роль Гнедича в формировании русской элегической школы

В творчестве Гнедича, совпавшего с «золотым временем элегий в русской литературе» [Касаткина, 2002, с. 53], жанр элегии не стал излюбленной формой. Однако целый ряд его поэтических находок, связанных с привнесением взамен абстрактного пейзажа — картин русской природы еще до их открытия живописцами, взамен общечеловеческих переживаний — развернутых психологических картин собственных воспоминаний, странничества, исцеления, вдохновения, расширил жанровые границы элегии от поэтизации психологии момента к описанию глубоко сокровенного общения с природой, уподобленного дневниковым откровениям. Пребывание в Приютино — «уделе прекраснейшем» [Гнедич, 1956, с. 123] — открыло поэту возможность проникнуться подлинной красотой мира северно-русской природы, «живущей своей космической, архаической, экзотической жизнью» [Луков, 2010, с. 97], и воплотить эти наблюдения в собственных лирико-философских размышлениях согласно понимаемой им задаче поэта: «Услышать тот голос, сердечный язык тот всемирный, // Каким говорит к нам бессмертная мать-природа» [Гнедич, 1956, с. 60]. Понимание природы как прекрасной книги, «в которой открывается самим безмолвием проповедуемый Бог» [Григорий Богослов, свт., 2002, т. I, с. 181] и оттого пробуждаются высокие эстетические ощущения и умственные силы, объединяет эти произ-

ведения в условный «приютинский цикл», значимый в творчестве Гнедича как наглядное воплощение его призывов к освобождению от «пристрастия и любви к языкам иностранным», как его личный вклад в «возвеличивание языка своего», возвращение поэзии в русло русской традиции.

Примечательны отклики об оригинальной поэзии Гнедича в стихотворных посланиях, к нему обращенных, из которых слагается набор тех художественных особенностей, которые отличают его элегии. Элегия Гнедича явилась поэтической живописью, в которой картинный образ чередуется с эмоциональной исповедальностью. Неслучайно М. Н. Загоскин в 1821 году говорил о том, что именно благодаря Гнедичу для него «новый <...> открылся мир», имея в виду под этим «новым» миром русскую природу. М. Н. Загоскин перечисляет те топоры родной природы, которые привнес Гнедич в элегическое пространство: «Все стало для меня приятней: // Свежее зелень на лугах, // И воздух чистый ароматней, // И тень прохладнее в лесах» [Загоскин, 1988, т. II, с. 673]. В послании А. С. Пушкина «Гнедичу» (1832) точно отмечены эмблематичные образы поэзии, фиксирующие интерес поэта, с одной стороны, к героике, с другой — к пейзажу: «Ты любишь с высоты // Скрываться в тень долины малой // Ты любишь гром небес, но также внемлешь ты // Жужжанью пчел над розой алой. // Таков прямой поэт» [Пушкин, 1937—1959, т. III, с. 286]. И здесь Пушкин точно отметил «назидательную эпитетику» [Аношкина-Касаткина, 2014, с. 55] элегий Гнедича, почерпнутую из природы, его излюбленный образ трудолюбивой пчелы, введенный в качестве олицетворенного этического понятия устройства человеческого общежития.

Наиболее значимой для понимания пейзажной образности поэзии Гнедича явилась статья П. А. Плетнева «“Рыбаки”, идиллия», опубликованная в 1822 году в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения» как отклик на вышедшую в 1821 году книгу, состоящую всего из двух стихотворений поэта — элегии «Приутино» и идиллии «Рыбаки» (Гнедич Н.И. Стихотворения. СПб.: Тип. Н. Греча, 1821 г. 20 с.). И хотя статья в первую очередь посвящена разбору идиллии, все же предшествующие ему обстоятельные рассуждения критика о том, «что значит Поэзия» и что определяет поэзию Гнедича, наиболее примечательны в аспекте обозначенной проблемы. Согласно этим суждениям, поэзия Гнедича есть «голос души», который не рождается «от умственного представления прекрасных предметов», но есть «следствие вдохновения» [Плетнев, 1822, с. 55]. Гнедич «услышал звуки природного языка» [Там же, с. 59], напомнил читателю «отечественную природу» [Там же, с. 62], создал произведения, которые «сливаются с нашей жизнью» [Там же, с. 80]. Вершинное достоинство поэзии Гнедича Плетнев видит в ее «народном» характере, понимая под народностью «изображение

своей природы, своих нравов» [Там же, с. 63]. Плетнев точно улавливает обостренное внимание поэта к национальным образам, оттого в целом ряду притяжательных конструкций со значением принадлежности родному пространству не раз акцентирует, что именно изображение «нашего неба, наших лугов» [Там же, с. 64], «своей природы» [Там же, с. 63] позволяет говорить о Гнедиче как продолжателе традиции Державина, чьи пейзажи также «очаровывали читателя» [Там же, с. 62]. Плетнев проводит точную параллель между воспетым Гнедичем в двух стихотворениях 1821 года петербургским северным пейзажем и красотой русского севера, также послужившей ассоциативным фоном для создания художественного образа в оде Державина «Водопад». Достигнутая Гнедичем «счастливая обрисовка местности», заключающаяся в изображении «петербургских пленительных ясных ночей» и «сладостного неба» [Там же, с. 73], видится критику «верным списком с природы» [Там же, с. 76]. «Картинность» как качественное достоинство поэзии Гнедича заключается в воспевании национальной красоты природы, его словесные пейзажи могут «назваться первоклассными красотоми поэзии» [Там же, с. 76]. Методологическая ценность наблюдений Плетнева видится в точном определении специфики пейзажной лирики Гнедича, заключающейся в привнесении русского пейзажа как самоценного поэтического образа, его отказе от абстрактного пейзажа в пользу картины природы иного порядка, явившейся результатом собственного эмоционального переживания тех или иных явлений природы.

Ряд ценных наблюдений в связи с оригинальной поэзией Гнедича сделал Белинский в третьей статье из «Сочинений Александра Пушкина», представляющей исчерпывающий обзор литературной атмосферы 1810-х годов, тех поэтических векторов, которые «присуществовались» в поэзии Пушкина и были «переработаны ее самобытным элементом» [Белинский, 1953—1959, т. VII, с. 140]. Говоря об учителях Пушкина, Белинский выделяет «трех маэстро русской поэзии» [Там же, с. 223] — Державина, Жуковского и Батюшкова, а рядом обозначает имена литературных фигур, соответственно относящихся к их поэтическим школам. Гнедича Белинский ставит рядом с Батюшковым, отмечая при этом, что и «заслуги его столько же важны и знамениты» [Там же, с. 254]. Безусловно, основной заслугой Гнедича явился перевод «Илиады», однако же «мастерской» явилась и оригинальная его поэзия. В то же время, понимая под народностью уже не передачу национальных картин природы, как это наблюдалось у Плетнева, но «верность действительности и естественности» [Там же, с. 254], сближающих поэзию с жизнью, Белинский находит в поэзии Гнедича «наивность выражения», отсутствие «истины в основании», «складки греческого хитона» вместо «русских рубищ» [Там же, с. 255]. Искомую отличительную черту поэзии Гнедича Белинский видит

в достигнутом «облагораживании пейзажа». И в этом отношении у Белинского, так же как и у Плетнева, Гнедич сближается не с Батюшковым, чья поэзия отмечена «светлою, роскошною Италиєю и мрачною, однообразною Скандинавиєю» [Там же, с. 254], а с Державиным, у которого «слышатся и чувются звуки и картины русской природы» [Там же, с. 117]. «Облагораживание» картин природы, по мнению Белинского, проявилось в таких критериях художественности, как образность слова («столько поэзии», «роскошь красок»), достоверная передача национальных особенностей («столько жизни») и эстетическое любование («столько прелести»).

Традиционно элегии Гнедича не рассматривают в традиции школы гармонической точности, ставящей задачу «раскрытия душевной жизни» [Гинзбург, 1974, с. 19], значение Гнедича скорее видели в разработке «русского “гомеровского стиля”» [Там же, с. 20] для выражения гражданственных идей. Однако отличающее элегии Гнедича внимание к прекрасному миру природы сквозь призму тонко чувствующей души, упрощение стилистической системы поэзии в сторону отказа от излишней метафоричности позволяют рассматривать его оригинальные элегии в рамках русской элегической школы. Лирика природы у Гнедича напрямую связана с красотой мироздания и попыткой постижения тайны природы через эстетическое восприятие. Уже в ранних медитативных стихотворениях Гнедич представляет размышления о смысле земного бытия, раскрывающиеся через выявление отношений человека к природе, а через нее к Богу. Здесь же появляется лирический герой, ставший знаковым для стихотворений Гнедича о природе, — это не только созерцатель, но мыслитель, постигающий закономерности развития природы и онтологию ее красоты. Ведущий эмоциональный настрой его пейзажной лирики заключается в призыве обратиться к природе, понять природу как образец стройности, отсутствующей в земной повседневности. Не случайно по отношению к «бессмертной матери-природе» [Гнедич, 1956, с. 60] Гнедич применяет сравнения из сферы музыки, она исполнена «безыскусственных звуков», «мелодией сладкой», хором «певцов пернатых», «плещет» все вокруг «гармонией своей» [Там же, с. 60], вся природа мыслится как «чудесный хор». Возможность человека возвыситься до уровня природы и те необходимости, которые он для этого должен развивать, Гнедич подвергает поэтическому осмыслению. Мир матери-природы определил идеал Гнедича, исполненный естественности, жизни, одухотворения.

3.2. Созерцание природы как путь постижения мироустройства в элегиях Гнедича

Искусствовед П. Н. Тарабукин отметил, что пейзаж в искусстве призван «показать в художественном образе потенциальную святость лика природы» [Тарабукин, 2001, с. 57]. Эта мысль находит свое буквальное под-

тверждение в поэтических пейзажах Гнедича. В стихотворении «Общежитие» свои философские рассуждения о богопознании и богоуподоблении как сути земной жизни поэт начинает с парадоксального и вместе с тем глубинного вопроса о появлении человека в неизмеримой громаде Вселенной: «Неужели в этот мир родится человек?» [Там же, с. 61]. Тем самым внимание сосредотачивается на осмыслении места человека по отношению ко всему мирозданию, отмеченному божественным чудом гармонии, и в то же время лирический поэт задумывается, не нарушит ли человек исконно гармоничное устройство природы. Гиперболизированным зрением, «оком изумленным», лирический поэт всматривается в устройство Вселенной, которое приобретает вполне точные и четкие очертания, развернутые в пространственной вертикали: «Громада вся один чудесный кажет хор! // И то, что там, вверху, и там, под нижним кругом <...> Все цепь одну плетет, вся вяжет друга с другом» [Там же, с. 61]. Соразмерность уровней мироздания, невидимых простому человеческому взору, возведена до симфонии и вызывает безусловное эстетическое восхищение. Представление о человеке у Гнедича естественно связано с пространственной моделью мироздания, понятиями верха как идеального начала, куда устремляется душа, и низа как земной материальной жизни. В одическую форму восторга Гнедичем облакается логика постижения сущего, именно в равновесии и гармоничном единстве видится проявление Божественного начала. Созерцание природы для поэта оказывается вовсе не пассивностью, но единством интеллектуальной и эмоциональной деятельности, «моментом духовной активности и творчества» [Бердяев, 1983—1989, т. III, с. 258].

В восхищении этой гармонией лирический поэт призывает каждого человека возвыситься к божественному: «Понятем, разумом, бессмертною душой, // Проснися, человек, — проснися, ослепленный // <...> // Взгляни на этот мир» [Гнедич, 1956, с. 61]. Примечательна в этих размышлениях акцентированная символическая антиномия слепоты и прозрения, связанная с пониманием духовной природы зрения и аллюзивно отсылающая к словам апостола Павла из «Послания к римлянам»: «Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы» (Рим. 1:2) [Библия, 2014, с. 1226]. Эти слова Гнедич не раз поэтически интерпретирует, раскрывая сакральный характер красоты природы через представление перспективы, света, цвета. Желание зреть природу поэт сопрягает с духовными устремлениями. Природа, говорящая «о близком присутствии Творца» [Гулин, 2023, с. 26], наделяется у Гнедича пространственной бескрайностью, она цельна и состоит из множества элементов, наблюдение за которыми оказывается сродни самопознанию. Находясь в Приютино, поэт вспоминает родной край, уподобленный раю,

где все находилось в совершенном состоянии: «Есть край, родной мне край зефиrow легкокрылых; // Там небо и земля и воздух мне милей!» [Гнедич, 1956, с. 117]. Понимая природу как «истинно Божественное место и жилище, достойное того, кто создан по образу Божию» [Иоанн Дамаскин, свт, 1894, с. 430], лирический поэт объединяет землю, воздух и небо в общее райское пространство, где земные тяготы преобразуются в состояние парения, сама же природа в такую минуту наполняется свечением, проникающим буквально во все: «Дерзаю вновь парить в священный эмпирей, // В пространство вечное лазоревых полей»; «Хочу я небо зреть, сей новый мир блаженный, // Светилом золотым согретьый, озаренный»; «Средь небес я солнце зреть желаю!» [Гнедич, 1956, с. 75—76]. Вместе с тем явно присутствующая модальность желания («хочу», «желаю», «дерзаю») оказаться в пространственном «там» — «мире блаженном» с его райской красотой — запечатлевает важную для Гнедича мысль об антиномичности мира, его противоречивых началах. И эта раздвоенность жизненных сфер — мира природы («там») и мира прагматичного («здесь») — образует значимую для поэзии Гнедича дихотомию земного и небесного.

Как не всем доступна красота природы, так не всем доступно увидеть «луч серебряный полночного светила» и ощутить «волшебную» его «блистанья силу», связанную с божественным покровительством. Видимое и невидимое человеческим оком Гнедич напрямую соотносит с состоянием души человека. И здесь можно провести параллель со словами святителя Иоанна Златоуста: «Слепота духовная — это злоба сердца, ибо как слепой не может смотреть на сияние света, так и злобный человек не может понимать тайны благочестия» [Симфония ..., 2008, с. 328]. Оттого не раз Гнедич использует по отношению к человеческой греховности сравнение с физическим увечьем, когда человек «не всегда услышит» голос истины, оказывается «слепым рабом слепых своих страстей», и, напротив, называет в качестве достоинства отстраненность от тщеты повседневности («не от толпы и грубой и слепой» [Гнедич, 1956, с. 75—76]). Искаженность земной жизни поэт показывает в разнообразных сравнениях с природой. «Счастливец» и «мудрецом» Гнедич называет кузнечика, потому как он «ничем не обид<ит>» земледельцев, в своем радостном пении он «жилец земли невинный» [Там же, с. 128]. В мире зверей и птиц поэт подмечает не только деятельную, но, главное, не бесполезную и не эгоистичную жизнь («И звери в нем живут не для себя самих. // Трудятся и они: птенцов они питают, // Птенцы же, подрастая, трудятся и для них» [Там же, с. 62]), тогда как человеческая жизнь погрязла в пороке («Но люди за добро одно лишь зло творят» [Там же, с. 62]), бездействию («А ты за это все и малую заботу // Считаешь глупостью — лишь у окна сидишь» [Там же, с. 62]) и пустых наслаждениях («Ты наслаждаешь-

ся, — а тысяча сирот // Страдают там от глаза» [Там же, с. 62]). Преодоление земного у Гнедича часто ассоциируется с полетом, физическим преодолением пространства и устремлением к природе, дарующей благодатную жизнь («Туда, туда, в тот край счастливый, // В те земли солнца полетим» [Там же, с. 93]), с романтическим образом крыльев, сопряженным с мотивом полета («На крыльях золотых вновь к жизни полетит»). Однако поглощенность человека земным обуславливает невозможность достижения небесной высоты, и, не идеализируя собственную жизнь, Гнедич заключает: «...останусь в ничтожность погруженный» [Там же, с. 115].

В понимании единства зримого и незримого Гнедичу близок Державин. Ему созвучно державинское восприятие устройства мироздания. Его рефлексия бытия, вызванная взглядом на небо, как и в оде «Бог» («Вся твердь перед Тобой сия. // Но что мной зримая вселенна? // И что перед Тобою я?» [Державин, 1957, с. 114]), посвященной «сложности и упорядоченности строения мироздания» [Поташова, 2025, с. 112], направлена на постижение двух ипостасей человека, данных на фоне гармоничной системы Вселенной. Но если Державин слагает свое кульминационное восклицание из абстрактных, сложных для истолкования метафор («Я царь — я раб — я червь — я Бог!» [Державин, 1957, с. 115]), объединенных утверждением человека во всех его противоположностях как центра мира, то Гнедич говорит о забвении человеком своей сути, в коей сотворил его Бог. Для обозначения сосуществования в человеке образа Божьего и греховного состояния человеческого естества Гнедич использует более точное противопоставление — «бессмертной» и «мертвенной» души, мерой для которых оказываются добродетели («добро твори для всех» [Гнедич, 1956, с. 63]), идеал подвижнической жизни («Священный долг нам есть — для блага всех трудиться» [Там же, с. 64]). В перечислении назиданий, выражающих идею стремления к нравственной жизни как Божественному совершенству, Гнедич говорит о единственно верном пути открытия у человека очей духовных, необходимых для понимания красоты природы, а вместе с ней познания «Разума», Который «сей шар и небо утвердил, // Атома с существом премудро съединил» [Там же, с. 61]. И в этой духовной вертикали, связанной с победой над мертвенностью души посредством внимания к природе, устроенной Божиим всемогуществом, Гнедич понимает пространственную модель мироздания, в которой в тесной взаимосвязи находится видимое и невидимое, реальное и ирреальное, внешнее и внутреннее.

3.3. Эстетика и онтология лесного ландшафта в «приютинском цикле» Гнедича

Наблюдая осенний пейзаж в Приютино, Гнедич задается вопросом: «Где красота твоя, роскошная земля?» [Там же, с. 114]. Поэт хочет найти в приро-

де буквальное проявление красоты как чувственно улавливаемого приятного вида или звука, увидеть «дубравы пышные», услышать «журчание ключей», воспринять «цветов благоуханье» [Там же, с. 114], но эстетическое любование природными дарами не всегда оказывается возможным для рефлексизирующего поэта. Не раз в его медитативной лирике обращение к природе сопровождается тональностью печали, проявляющейся в констатации душевной опустошенности. Этим настроениям могут быть созвучны погодные изменения, присущие северному пейзажу («Но лишь приблизится ночей осенних тьма, // Но лишь дохнет суровая зима»; «Все уныло вокруг — леса, долины, горы!» [Там же, с. 114]) и вызывающие душевные метания о конечности жизни («Где жизнь мы снова расцветем?» [Там же, с. 114]). Пейзаж может быть и по-прежнему красив, но не приносить чувствительной душе поэта ощущения погружения в природу («Среди густых лесов, по берегам зеленым, // Не наслаждаюсь я уже их красотой» [Там же, с. 75]; «Исчезли для меня все красоты природы [Там же, с. 75]»), в таком случае невозможность любования красотой пейзажа является следствием собственной душевной дисгармонии. И, напротив, символичен для Гнедича мотив весеннего обновления природы («И новою весной дубравы зашумят»; «Но некогда весна несменная сойдет» [Там же, с. 114]), «всегда оживающая природа» [Есаулов, 2004, с. 17] дарует человеческой душе ощущение пробуждения и воскресения («Жив Бог, жива душа!» [Гнедич, 1956, с. 115], «Земля пустыней мне еще не может быть» [Там же, с. 113]).

Неотъемлемой частью «приютинского цикла» стал лесной пейзаж, существующий не как «что-то отдаленное, проступающее сплошной массой, диссонирующей с общим состоянием природы» [Юхнова, 2024, с. 16], но излюбленное пространство, в котором поэт находит вечное, нетленное очарование. По отношению к лесу Гнедич использует целую гамму эмоционально-оценочных эпитетов, не столько выражающих восторженность, сколько приобретших психологический смысл: поэт желает наблюдать за тем, «что в лесах растет зеленых», его душа стремится «в тихие лесов уединенья», объектом для воспевания оказываются «земля, горы, леса», противопоставленные «город<ам> и все<м> горд<ым> здани<ям> смертных» [Гнедич, 1956, с. 157], «долины мирные, лесов уединенья» [Там же, с. 117], вдохновенная песнь поэта способна «двигать горы и кедров леса» [Там же, с. 125]. Лес у Гнедича имеет конкретную географическую локацию, что обусловило отношение к нему как к месту жизни без забот и тревог, на лоне природы, — это обширные территории Приютинской усадьбы, относящиеся к Карельскому перешейку с его естественным нетронутым лесистым ландшафтом. Словесно обыгрывая именование самой усадьбы Олениных и по-родственному называя «приютинскую сень» местами

«приютными» и «гостеприимными» [Там же, с. 117], Гнедич наделяет лес индивидуальными, понятными только ему одному чертами, сложенными из собственных наблюдений и испытанных эмоций, связанных со «стремлением к очищению от греховных движений души» [Киселева, 2010, с. 67].

Элегия «Приютино» запечатлела новый для поэзии тип общения человека с природой — эмоционально-доверительный, глубоко личностный, оттого элегия Гнедича приобретает исповедальный характер. Лесной пейзаж приобретает суггестивный характер — поэт может предаваться воспоминаниям и мечтам («всего здесь голос слышит, и ловит милого воздушные черты» [Там же, с. 118]). Лес — место искренности («здесь все, чем сердце дышит» [Там же, с. 117]), доходящей до откровенности («здесь я <...> делюся бытием, живу не сам собой» [Там же, с. 119]). Такое задушевное отношение к лесу сменило устоявшиеся поэтические картины, когда лес дополнялся типичными эпитетами и акустическими приметами, показывающими его как устрашающее или испытующее героя пространство (ср. у Ломоносова: «в угрюмых кроется лесах» [Ломоносов, 1950—1983, т. VIII, с. 98], «лес и воздух воет» [Там же, с. 21], «пройдите землю, и пучину, и степи, и глубокий лес» [Там же, с. 401]; у Державина: «как эхо с гор сквозь лес дремуч» [Державин, 1957, с. 85], «лес завыл» [Там же, с. 94], «дремучий лес пускает гул» [Там же, с. 240]; у Жуковского: «мрачен лес» [Жуковский, 1999..., т. III, с. 11], «ужасно шепчет темный лес» [Там же, с. 83], «лес ревет густой» [Там же, с. 148]). В обращениях Гнедича к лесному пейзажу улавливаются мысли Б. Паскаля, заключившего, что «природа поместила все свои истины в саму себя» [Паскаль, 1995, с. 268], разгадать которые и стремится поэт, открывая природу как «книгу <у> дивно божественных чудес» [Гнедич, 1956, с. 120]. Понимая лес как пространство преображенной действительности, Гнедич размывает границы между землей и небом, наделяет его особым, сакральным характером, открывающим возможность «свободному пересечению душой любых пространственных и временных границ» [Косяков, 2024, с. 98], здесь поэт «душой сливается с лазурью бесконечной, // с золотыми звездами, поэзией небес!» [Гнедич, 1956, с. 118].

Лес у Гнедича появляется не как абстрактная реалья национального пейзажа, он различим по своей видовой принадлежности, при этом сами пейзажные картины конкретизируются, а каждое дерево будто наделяется своим характером и становится адресатом размышлений поэта: «О дубрава кудреватая! // Наклонись густой вершиною» [Там же, с. 65], «...любезная сердцу мечта: // Витает она по дубравам безмолвным» [Там же, с. 88], «Как гордая сосна, листов не меняя, // Зеленая в осень и в зиму стоит» [Там же, с. 94], «В тени их мавзолей под ельными ветвями» [Там же, с. 119]. Обращает на себя отсутствие как такового цвета леса, что обусловлено осо-

бенным взглядом поэта: он смотрит на лес не со стороны, а изнутри, отмечая его акустические характеристики и ракурсы, создающие отдельные картины. Вследствие наблюдения за ними появляются метафоры, близкие к народным лирическим песням, в которых «положение растения дает аналогии для сопоставления с миром человека» [Колпакова, 1962, с. 205]. Результатом проведения таких аналогий оказывается устойчивая ассоциация леса как родного пространства, где осязаем каждый его элемент, в который поэт всматривается и вслушивается: «... под сосной говорливой, // Где с нею шепчется задумчивый ручей» [Гнедич, 1956, с. 119], «Вот здесь семья берез, нависших над водами // Меня безмолвием и миром осенит» [Там же, с. 119]. Запечатление картин неспешной, текущей по своим законам жизни природы и преломление через их восприятие интеллектуальных и эмоциональных переживаний человека — отличительные черты поэтики Гнедича, стремящегося постигнуть через природу «местопребывание, нравы и как бы законы общежития», приобрести, словами свт. Григория Богослова, «больше сведений о себе самом» [Симфония..., 2008b, с. 419].

Лирическим субъектом элегии «Приютино» является «бездомный странник» [Гнедич, 1956, с. 117] — так поэт именуется как буквально, ввиду отсутствия постоянного жилища в Петербурге, так и образно, разделяя идеал романтического художника, бегущего «от городского шума», «от жизни бурь», «от ударов роковых» [Там же, с. 117]. Смысловой доминантой в элегии оказывается ситуация неоднократного прощания с лесом («сколько раз с тобою я прощался» [Там же, с. 117]) и нового возвращения в эти родные места («Как проститься с тем, что в нас слилось с душою»; «Еще я прихожу под кров твой безмятежный» [Там же, с. 117]). В акцентированной повторяемости ухода и возвращения в приютинский лес соединяются духовно-душевные томления поэта и его страннический путь. Для Гнедича путь поэта-странника — это путь поиска душевной гармонии, «духа-благотворителя» [Там же, с. 119], способного наполнить «мир опустошенный» духовными и творческими силами. Понимание леса как пространства, куда вновь и вновь возвращается поэт в стремлении осознать свое место в единении земного и небесного, рождает в элегии символическую ассоциацию леса как пустыни в позитивном смысле этого слова: лес оказывается убежищем «для общения с совершенным природным миром» [Киселева, 2020, с. 114].

В отношении Гнедича к лесному ландшафту явно усматриваются аналогии с древнерусской литературой, в которой, лес утвердился как особое, сакральное пространство, понимаемое как благодатное место тишины и нетронутости, пространство наибольшего единения святых подвижников с Богом («Нѣсть како мощно нам сказати, с коликим трудом духовным и

съ многим попечениемъ начинаше начало еже жити наединѣ, елика доволна времена и лѣта в лѣсѣ оном пустыньнѣмъ мужески пребываше» [БЛДР, 1999, т. VI, с. 298]). Гнедич привносит в элегический пейзаж образ леса как сугубо национальный элемент. В пространстве леса у Гнедича ищущий Бога человек находит возможность ухода «ко святым местам своего личного духа» [Ильин, 1994—1999, т. VI, ч. II, с. 134], отрекается от земной суеты. Отсюда и повторяемый в элегии мотив стремления к уединению («Один, уединен, в час ночи молчаливой» [Гнедич, 1956, с. 118]), звучащий в житийной тональности (ср.: «По временѣх же нѣколицѣх, сирѣчь пребывшу ему в пустыни единому единьствовавшу, или двѣ лѣте, или болѣ, или менши, не вѣдѣ» [БЛДР, 1999, т. VI, с. 310] и отрицающий состояние душевного одиночества («уединение для сердца не пустыня» [Гнедич, 1956, с. 118]). Уединение поэта предполагает «не душевную замкнутость, а, напротив, расширение душевного мира» [Аношкина, 2014, с. 77], аскетизм, дарующий Божественное откровение. Здесь вновь можно говорить о пасхальном мотиве, понимаемом в контексте элегии как воскресение к жизни, наступающее после прихода в «долины мирные, лесов уединенья», очищения «водой забвения» и следующего затем опытного, личного общения с Богом («Нисходишь ли с высот, сиянием прекрасным // Прекрасный свет иной земле предвозвещать» [Гнедич, 1956, с. 119], «Твой свет в меня лиет святое трепетанье! [Там же, с. 120]).

4. Заключение = Conclusions

И. А. Ильин справедливо отмечает, что русская поэзия «научилась видеть в ней живое присутствие и живую силу Божества» [Ильин, 1994—1999, т. VI, ч. II, с. 223]. Такое отношение к природе явственно показано в элегиях Гнедича, которые, развиваясь на классицистической почве, наследуют традицию изображения величественных картин природы, одического восторга нерукотворной красотой мироздания, но при этом дополняются меланхолическими нотами, ощущением грусти от нереализованных надежд, суетности земной жизни, ее скоротечности. Красота природы является у Гнедича категорией духовного мира, к которой поэт относится с особым благоговением, полагая, что именно природа дарует поэту высшее эстетическое наслаждение. За первичной эстетизацией пейзажа у Гнедича скрывается философская наполненность картин, явившихся импульсом к размышлению над цикличностью в природе, ее погодными проявлениями, конкретными локусами и собственными эмоциональными порывами, объединяя которые поэт «создает проекцию собственного душевного мира» [Киселева и др., 2020, с. 128]. Наиболее показательным природным образом у Гнедича стал лесной ландшафт, утвердившийся в его лирике как пространство преображенной

действительности. Создавая в «приютинском цикле» образ уединенного поэта-странника, общающегося с природой и получающего от нее исцеление больной души, Гнедич развивает элегию в сопряжении с христианской картиной мира в ее тесной связи с национальной традицией, прежде всего отраженной в народной словесности и русской агиографии.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений : в 13 т. / В. Г. Белинский. — Москва : Изд-во АН СССР, 1953—1959.
2. *Бердяев Н. А.* Собрание сочинений : в 4 т. / Н. А. Бердяев. — Paris : YMCA-press, 1983—1989.
3. *Библиотека литературы Древней Руси* / РАН. ИРЛИ ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. — Санкт-Петербург : Наука, 1999. — Т. 6 : XIV — середина XV века. — 583 с.
4. *Библия* : книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — Москва : Росийское библейское о-во, 2014. — 1337 с. — ISBN 978-5-85524-028-3.
5. *Гнедич Н. И.* Рассуждение о причинах, замедляющих успехи нашей словесности, читанное в торжественном собрании Помощником Библиотекаря, Коллежским Ассесором и Кавалером Гнедичем / Н. И. Гнедич // Описание торжественного открытия Императорской Публичной библиотеки, бывшего генваря 2 дня 1814 года. — Санкт-Петербург : В типографии Императорского театра, 1814. — С. 52—98.
6. *Гнедич Н. И.* Стихотворения / Н. И. Гнедич. — Ленинград : Советский писатель, 1956. — 850 с.
7. *Григорий Богослов, свяtitель.* Собрание творений : в 2 т. / Григорий Богослов. — Минск : Харвест, 2002. — 895 с.
8. *Державин Г. Р.* Стихотворения. / Г. Р. Державин. — Ленинград : Советский писатель, 1957. — 488 с.
9. *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. / В. А. Жуковский. — Москва : Язык русской культуры, 1999. — 24 см. ; ISBN 978-5-6040760-8-8.
10. *Загоскин М. Н.* Сочинения : в 2 т. / М. Н. Загоскин. — Москва : Художественная литература, 1988. — Т. 2. — 814 с.
11. *Ильин И. А.* Собрание сочинений : в 10 томах / И. А. Ильин. — Москва : Русская книга, 1994—1999.
12. *Иоанн Дамаскин, святой.* Точное изложение православной веры / Иоанн Дамаскин. — Санкт-Петербург : Изд. И. Л. Тузова, 1894. — 480 с.
13. *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений : в 11 т. / М. В. Ломоносов. — Москва ; Ленинград : АН СССР, 1950—1983.
14. *Паскаль Б.* Мысли. / Б. Паскаль. — Москва : Изд-во имени Сабашниковых, 1995. — 480 с.
15. *Плетнев П. А.* “Рыбаки”, идиллия. / П. А. Плетнев // Соревнователь просвещения и благотворения. — 1822. — Ч. 18. — Книга 1. — С. 54—85.
16. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений : в 16 т. / А. С. Пушкин. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1937—1959.

17. *Симфония* по творениям святителя Димитрия Ростовского / ред.-сост. Т. Н. Терещенко. — Москва : ДАРЪ, 2008. — 601 с. (а). — ISBN 978-5-485-00216-9.

18. *Симфония* по творениям святителя Григория Богослова / ред.-сост. : Т. Н. Терещенко. — Москва : Даръ, 2008. — 608 с. (b). — ISBN 978-5-485-00216-9.

Литература

1. *Аношкина-Касаткина В. Н.* Русский романтизм. В. А. Жуковский, А. С. Пушкин / В. Н. Аношкина-Касаткина. — Москва : Московский государственный областной университет, 2014. — 400 с. — ISBN 978-5-7017-2337-3.

2. *Есаулов И. А.* Пасхальность русской словесности / И. А. Есаулов. — Москва : Кругъ, 2004. — 560 с. — ISBN 5-7396-0073-1.

3. *Гинзбург Л. Я.* О лирике / Л. Я. Гинзбург. — Ленинград : Советский писатель, 1974. — 408 с.

4. *Гуковский Г. А.* Пушкин и русские романтики / Г. А. Гуковский. — Москва : Художественная литература, 1965. — 355 с.

5. *Гулин А. В.* Небесный ангел Михаила Лермонтова (Духовный опыт как творческая категория) / А. В. Гулин // Два века русской классики. — 2023. — Т. 5. — № 1. — С. 6—35. — DOI: 10.22455/2686-7494-2023-5-1-6-35.

6. *Касаткина В. Н.* Поэзия В. А. Жуковского / В. Н. Касаткина. — Москва : Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2002. — 112 с. — ISBN 5-211-04466-7.

7. *Киселева И. А.* «Пророк» (1826) А. С. Пушкина и «Пророк» (1841) М. Ю. Лермонтова : сравнительная семантика мотивного комплекса / И. А. Киселева // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18. — № 1. — С. 111—129. — DOI: 10.15393/j9.art.2020.6762.

8. *Киселева И. А.* Динамическая поэтика стихотворения М. Ю. Лермонтова "Утес" / И. А. Киселева, К. А. Поташова // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18. — № 2. — С. 128—144. — DOI: 10.15393/j9.art.2020.8162.

9. *Киселева И. А.* Этика М. Ю. Лермонтова и ее религиозные основания / И. А. Киселева // Вестник Поморского университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. — 2010. — № 3. — С. 66—72.

10. *Колпакова Н. П.* Русская народная бытовая песня / Н. П. Колпакова. — Москва : Издательство Академии Наук СССР, 1962. — 284 с.

11. *Косяков Г. В.* Мотив духовного паломничества в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Ветка Палестины» / Г. В. Косяков // Отечественная филология. — 2024. — № 5. — С. 95—103. — DOI: 10.18384/2949-5008-2024-5-95-103.

12. *Кукулевич А. М.* Гнедич / А. М. Кукулевич, В. Н. Орлов // История русской литературы : в 10 т. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1941—1956. — Т. V. Литература первой половины XIX века. Ч. 1. — 1941. — С. 418—435.

13. *Луков В. А.* Предромантизм : культурное явление и пути его осмысления / В. А. Луков // Знание. Понимание. Умение. — 2010. — № 1. — С. 96—103.

14. *Маймин Е. А.* О русском романтизме ; Русская философская поэзия ; Лев Толстой. Путь писателя ; Воспоминания; Переписка / Е. А. Маймин ; под ред. Н. Л. Вершининой и Е. Е. Дмитриевой-Майминой ; подготовка текста писем и комментарии Е. Е. Дмитриевой-Майминой. — Псков : Псковская областная типография, 2015. — 902 с. — ISBN 978-5-94542-318-3.

15. *Поташова К. А.* Поэтическая космология Г. Р. Державина / К. А. Поташова // Отечественная филология. — 2025. — № 2. — С. 105—116. — DOI: 10.18384/2949-5008-2025-2-105-116.

16. *Тарабукин Н. П.* Смысл иконы / Н. П. Тарабукин. — Москва : Александрия, 2001. — 256 с.

17. *Юхнова И. С.* Локус леса в творчестве А. С. Пушкина / И. С. Юхнова // Русский язык за рубежом. — 2024. — № 2 (303). — С. 16—20. — DOI: 10.37632/PI.2024.303.2.003.

*Статья поступила в редакцию 05.02.2026,
одобрена после рецензирования 04.05.2026,
подготовлена к публикации 18.06.2026.*

Material resources

Belinsky, V. G. (1953—1959). *Complete works: in 13 volumes*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.).

Berdyayev, N. A. (1983—1989). *Collected works: in 4 volumes*. Paris: YMCA-press. (In Russ.).

Derzhavin, G. R. (1957). *Poems*. Leningrad: Soviet Writer. 488 p. (In Russ.).

Gnedich, N. I. (1814). A discussion on the reasons that slow down the progress of our literature, read in a solemn meeting by the Assistant Librarian, Collegiate Assessor and Knight Gnedich. In: *Description of the grand opening of the Imperial Public Library, the former General Library on the 2nd day of 1814*. St. Petersburg: In the printing house of the Imperial Theater. 52—98. (In Russ.).

Gnedich, N. I. (1956). *Poems*. Leningrad: Soviet writer. 850 p. (In Russ.).

Gregory the Theologian, Saint. Collection of works: in 2 volumes. (2002). Minsk: Harvest. 895 p. (In Russ.).

Ilyin, I. A. (1994—1999). *Collected works: in 10 volumes*. Moscow: Russian Book. (In Russ.).

John of Damascus, Saint. An accurate statement of the Orthodox Faith. (1894). St. Petersburg: Publishing house of I. L. Tuzov. 480 p. (In Russ.).

Likhachev, D. S., Dmitriev, L. A., Alekseev, A. A., Ponyrko, N. V. (eds.). (1999). *Library of Literature of Ancient Russia, 6*. Saint Petersburg: Nauka Publ. 583 p. (In Russ.).

Lomonosov, M. V. (1950—1983). *Complete works: in 11 volumes*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.).

Pascal, B. (1995). *Thoughts*. Moscow: Sabashnikov Publishing House. 480 p. (In Russ.).

Pletnev, P. A. (1822). "Fishermen", an idyll. *A competitor of education and charity, 18 (1)*: 54—85. (In Russ.).

Pushkin, A. S. (1937—1959). *The Complete works: in 16 volumes*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.).

Tereshchenko, T. N. (ed.). (2008). *Symphony based on the works of St. Dimitry of Rostov*. Moscow: DAR. 601 p. (a). ISBN 978-5-485-00216-9. (In Russ.).

Tereshchenko, T. N. (ed.). (2008). *Symphony based on the works of St. Gregory the Theologian*. Moscow: Dar. 608 p. (b). ISBN 978-5-485-00216-9. (In Russ.).

The Bible: the books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments. (2014). Moscow: Russian Bible Society. 1337 p. ISBN 978-5-85524-028-3. (In Russ.).

Zagoskin, M. N. (1988). *Essays: in 2 volumes, 2*. Moscow: Khudozhestvennaya literature. 814 p. (In Russ.).

Zhukovsky, V. A. (1999). *Complete works and letters: in 20 volumes*. Moscow: Language of Russian Culture. 24 cm.; ISBN 978-5-6040760-8-8. (In Russ.).

References

- Anoshkina-Kasatkina, V. N. (2014). *Russian Romanticism. V. A. Zhukovsky, A. S. Pushkin*. Moscow: Moscow State Regional University. 400 p. ISBN 978-5-7017-2337-3. (In Russ.).
- Esaulov, I. A. (2004). *Paschality of Russian literature*. Moscow: Krug. 560 p. ISBN 5-7396-0073-1. (In Russ.).
- Ginzburg, L. Ya. (1974). *On lyrics*. Leningrad: Soviet writer. 408 p. (In Russ.).
- Gukovsky, G. A. (1965). *Pushkin and the Russian Romantics*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 355 p. (In Russ.).
- Gulin, A. V. (2023). Mikhail Lermontov's Heavenly Angel (Spiritual experience as a creative category). *Two centuries of Russian classics, 5 (1)*: 6—35. DOI: 10.22455/2686-7494-2023-5-1-6-35. (In Russ.).
- Kasatkina, V. N. (2002). *Poetry of V. A. Zhukovsky*. Moscow: Lomonosov Moscow State University. 112 p. ISBN 5-211-04466-7. (In Russ.).
- Kiseleva, I. A. (2010). M. Y. Lermontov's ethics and its religious foundations. *Bulletin of the University of Pomerania. Series: Humanities and Social Sciences, 3*: 66—72. (In Russ.).
- Kiseleva, I. A. (2020). “The Prophet” (1826) by A. S. Pushkin and “The Prophet” (1841) by M. Y. Lermontov: comparative semantics of the motif complex. *Problems of historical Poetics, 18 (1)*: 111—129. DOI: 10.15393/j9.art.2020.6762. (In Russ.).
- Kiseleva, I. A., Potashova, K. A. (2020). Dynamic poetics of M. Y. Lermontov's poem “The Cliff”. *Problems of historical poetics, 18 (2)*: 128—144. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8162. (In Russ.).
- Kolpakova, N. P. (1962). *Russian folk household song*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 284 p. (In Russ.).
- Kosyakov, G. V. (2024). The motif of spiritual pilgrimage in M. Y. Lermontov's poem “The Branch of Palestine”. *Russian Philology, 5*: 95—103. DOI: 10.18384/2949-5008-2024-5-95-103. (In Russ.).
- Kukulevich, A. M., Orlov, V. N. (1941). Gnedich. In: *History of Russian literature: in 10 volumes, V (1)*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 418—435. (In Russ.).
- Lukov, V. A. (2010). Pre-Romanticism: a cultural phenomenon and ways of understanding it. *Knowledge. Understanding. Ability, 1*: 96—103. (In Russ.).
- Maimin, E. A. (2015). *On Russian Romanticism; Leo Tolstoy. The path of a writer; Memoirs; Correspondence*. Pskov: Pskov Regional Printing House. 902 p. ISBN 978-5-94542-318-3. (In Russ.).
- Potashova, K. A. (2025). Poetic cosmology of G. R. Derzhavin. *Russian philology, 2*: 105—116. DOI: 10.18384/2949-5008-2025-2-105-116. (In Russ.).
- Tarabukin, N. P. (2001). *The meaning of the icon*. Moscow: Alexandria. 256 p. (In Russ.).
- Yukhnova, I. S. (2024). The locus of the forest in the works of A. S. Pushkin. *Russian language abroad, 2 (303)*: 16—20. DOI: 10.37632/PL.2024.303.2.003. (In Russ.).

*The article was submitted 05.02.2026;
approved after reviewing 04.05.2026;
accepted for publication 18.06.2026.*